

Ю. А. Гранин²

СТОЛКНОВЕНИЕ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Когда летом 1993 года журнал “Foreign Affairs” опубликовал статью Сэмюэля Хантингтона «Столкно-

² Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии, доктор философских наук, профессор. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др.; статей: «Глобализация: диалектика исторических форм осуществления», «Национальная идентичность перед вызовами глобализации», «Модернизация России: в колее “зависимого развития”» и др.

вение цивилизаций» (позднее трансформировавшуюся в книгу), многие восприняли ключевую идею автора скептически. Писали, что в ущерб научной строгости он использовал хлесткую метафору. Однако многотысячные волны мигрантов с Ближнего Востока, Северной Африки и Афганистана, захлестнувшие Европу в 2014–2015 годах и быстро превратившие многие страны благополучной Европы в «Новый Вавилон», заставляют более внимательно отнестись к пророчествам Хантингтона. Многих смущает не столько экономическая нагрузка на национальные европейские государства, вынужденные содержать десятки и сотни тысяч мигрантов, сколько откровенное нежелание по-

следних интегрироваться в новую конфессиональную, социальную, политическую и культурную среду. Они предпочитают жить общинами, сохраняя собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах Европы, создают собственную «этническую экономику». Многие члены этих общин склонны ассоциировать себя с государствами происхождения, даже натурализуясь и становясь участниками политического процесса в европейских странах.

Разумеется, это случилось не вчера и в первую очередь связано с процессом глобализации, ее неолиберальной версией, спровоцировавшей кризис традиционных (религиозных, национальных и др.) идентичностей благодаря формированию массовой мультикультурной среды существования, появление которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти.

Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментации культуры гражданская и культурная идентификации осуществляются через потребление. Принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современности: она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде специфическую идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с конвейера, поставлена на поток. В свою очередь растущая множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу.

Массовая культура так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, формирующий новую *идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная (более того — «изготовленная») мера своеобразия. Экономическая борьба становится все в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения их потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребление как образ жизни.

В настоящее время угрозы всем национальным и многонациональным государствам Европы связаны с эрозией их «культурного фундамента» (культурного кода), на котором выстраиваются национальные идентичности. Вызовы последним инспирируются не только практикой ТНК и формированием идентичности глобального потребителя, идеологией неолиберализма, воплотившейся в политических принципах толерантности, политкорректности и мультикультурализ-

ма, но и распространением комплексного идейного течения (мировоззрения) постмодернизма¹, выразившего трансформацию духовности евроатлантической цивилизации, ее отказа от ценностей христианства и Просвещения.

Характерной чертой этого мировоззрения, формирование которого началось в 1960-х годах на волне кризиса «старых» западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбы за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира — с другой, стала *установка стратегического релятивизма*, поставившего под сомнение ценности, практики и институты эпохи модерна. После вступления США, Канады и Западной Европы в постиндустриальную фазу развития, обеспечившую беспрецедентный экономический рост и формирование в этих странах «общества потребления», она была поддержана политическими и экономическими транснациональными элитами, абсолютизовавшими идею «свободы» от государственного регулирования не только экономики, но и от других унаследованных из эпохи модерна (традиционных) форм общежития. Так возникла «постсовременность» (постмодерн) с ее культом «личной свободы» и абсолютизацией «равенства», выразителем которой стал «постмодернизм».

Подняв на щит идею равноценности и равноправия всех истин, культур и идентичностей, постмодернизм бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития. Под сомнение, повторю, были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евроатлантической цивилизации: классическая наука с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям и культура модерна с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. В социальных науках упор был сделан на «эпистемический поворот»: переход к новой теоретической оптике, характеризующейся отказом от парадигмальных образцов естествознания и равноправностью дискурсов любого рода, а в культуре — на ее плюрализацию, виртуализацию и визуализацию.

Модернистской установке на искусственную гомогенизацию, «выравнивание» социокультурного пространства постмодернизм противопоставляет якобы естественную плюральность последнего: растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований — картин мира, идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т. п. Тем самым в культурное пространство современного Запада вернулись, казалось бы, давно вытесненные из него архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия. Вы-

¹ Не вдаваясь в дебри дискуссий о содержании понятий «постмодерн» и «постмодернизм», под первым мы будем понимать историческую эпоху в развитии евроатлантической цивилизации, последовавшую за эпохой модерна и начавшуюся в конце 1960-х годов, а под вторым — не какое-то отдельное течение в литературе, архитектуре, науке, философии и тому подобном, а общее выражение мировоззрения эпохи постмодерна.

рос интерес к противопоставляемой национальной расовой и этнической реальности, маргинальным объектам и ситуациям — языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, «безумию», порнографии, однополым бракам и сексуальному насилию.

Эти явления являются закономерным результатом многолетней политики мультикультурализма. Последний — это не только имманентная часть стратегии глобального доминирования ТНК, большинство которых имеют прописку в странах G7, но и важная составляющая политики многих государств по адаптации мигрантов. В качестве политического концепта, отмечают исследователи, это философско-политическая идейная система, политический проект, постулирующий культурную неоднородность в качестве стержневого принципа организации социума.

Постмодернистские корни определяют своего рода генетический код современного мультикультурализма, его глубинный смысл, месседж, посылаемый либеральными конструкторами концепта различным иммигрантским общинам (прежде всего исламским, но не только), в значительной части в принципе не ориентированным не только на культурную, но и на социальную, правовую, политическую интеграцию. Такие общины, повторю, сохраняют собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах Европы, создают собственную «этническую» экономику.

Казалось бы, стремительный рост в США и Европе количества переселенцев, не желающих интегрироваться, занимающих нижние ступени социальной лестницы и пополняющих ряды криминала, должен был вызвать массовые протесты коренных граждан и в политическом классе. Но их сдерживают пресловутые толерантность и политкорректность, формирующие по сути эзопов язык, который рекомендуется употреблять во многих странах Запада. Над ним можно было бы лишь посмеяться, если бы не вполне реальные юридические последствия для журналистов и представителей других профессий, которые называют вещи своими именами. Например, вот что заявила в интервью газете «Московские новости» несколько лет назад постоянный секретарь Французской академии, историк с мировым именем Элен Каррер д'Анкосс: *«Французское телевидение настолько политически корректно, что это просто кошмар. У нас есть законы, которые трудно даже себе представить при Сталине. Вы пойдете в тюрьму, если скажете, что по телевидению показывали пять евреев или десять черных. Люди не могут выразить свое мнение об этнических группах, о Второй мировой войне и многих других вещах».*

Колоссальным недостатком практики политкорректности является абсолютизация принципа толерантности, выводящая за пределы оценки не только этически и культурно сомнительные, но и уголовно преследуемые деяния. Если бы не усилия американских, а вслед за ними немецких феминисток, в западном либеральном мире не росло бы как снежный ком количество гей-, лесбийских и подобных клубов, не проявлялась бы лояльность к одним из наиболее омерзитель-

ных преступников — педофилам, не практиковалась бы в массовом масштабе «коррекция» пола и сексуальной ориентации. «Поневоле заподозришь, — справедливо отмечает К. С. Шаров, — что вовсе не гендерно-нейтральный новояз формирует новую политкорректную социальную реальность, терпимую ко всему, а определенные феминистские и иные сочувствующие им политические круги пытаются выдумать этот новояз как удачное прикрытие для их социальных амбиций. При прочих равных условиях во Франции, Великобритании или Скандинавских странах на работу возьмут женщину, а не мужчину. В Швеции или Дании при одинаковом балле на вступительных экзаменах в вуз возьмут человека, отметившего в анкете, что он «сексуально нетрадиционно ориентирован», а нормальный будет изгнан вон. Самой социально защищенной фигурой в США является неработающая черная лесбиянка, которая в прошлом была мужчиной (она получает от государства пособие в 6500 \$/мес.)»¹.

Эти и другие примеры свидетельствуют об очевидной деформации культурной матрицы (культурного кода) евроатлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер. Свидетельство тому — усиливающийся тренд легализации содомии. Сегодня однополые браки легализованы в 16 странах мира, а также в некоторых штатах США и Мексики. Среди них: протестантские Нидерланды, Бельгия, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Дания, Великобритания, Новая Зеландия; и католические страны — Испания, Португалия, Исландия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Франция.

Но и это, увы, не все. Современные европейские ценности включают толерантность к уже совсем диким (то есть нецивилизованным) формам общественного бытия, например каннибализму, который открыто практикуется в некоторых телешоу². Проводимые там «перформансы» и «креативы» по сути являются пошаговым приучением Запада к толерантности по отношению не только к каннибализму, но и к нарушению других фундаментальных цивилизационных табу. Таким абсолютным табу практически во всех культурах являлся инцест. Однако в ЕС уже началось обсуждение легализации инцеста³. Некоторые европейские политики открыто в прессе и на телевидении представляют инцест как европейскую «гендерную норму». При этом по аналогии с «гомофобией» предлагается ввести понятие «инцестифобия», за проявления которой следует наказывать. Одновременно с этим в некоторых странах Европейского Союза обсуждают и легализацию педофилии. К этому стоит добавить специфические программы обязательного раннего сексуального просвещения, которые широко обсуждались общественностью. Каковы же в этом контексте перспективы сохранения и развития национальных и многонациональных государств?

Хотя ведущие национальные государства Запада остаются основными субъектами глобальной экономики и политики, продолжая выращивать и контроли-

¹ Шаров К. С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 41.

² <http://www.youtube.com/watch?v=IzS6mrdYPI0>

³ <http://www.odnako.org/blogs/o-legalizacii-incesta/>

ровать на своих территориях глобальные ТНК, и даже обрели новые функции¹, в грядущих цивилизационных битвах их ждет незавидная судьба «самоупражнения» в ходе тотального изменения культурно-национального ландшафта. После выхода скандальной, но во много пророческой книги Тило Сарацина «Германия упраздняет себя» о необходимости отказа от политики мультикультурализма стали откровенно говорить не только ученые интеллектуалы (Н. Больц, М. Вевьорка, Дж. Сартори, П. Нольте, Г. Хайнсон и др.), но и ведущие государственные деятели (А. Меркель, Д. Кэмерон и Н. Саркози), официальные заявления которых в 2010–2011 годах о крахе мультикультурализма произвели эффект разорвавшейся бомбы. Но значительных политических последствий этот демарш до сих пор не возымел.

Поэтому перспективы отказа Запада от принципов мультикультурности, толерантности и политкорректности многие связывают с приходом к власти неоконсерваторов, делающих ставку на традиционные ценности — семейные, гражданские и национальные. Они бьют тревогу, показывая, что современные демографические процессы в развитых странах, неразрывно связанные с необратимыми изменениями морального климата, могут привести к гибели традиционной Европы в ходе тотального изменения ее национально-культурного ландшафта.

На этом фоне перспективы России как особой локальной цивилизации, так и не решившей спор западников и славянофилов, но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Евроатлантические ценности и институты в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным, а собственные традиции в ряде случаев сведены к этнографически-рудиментарному состоянию. В настоящее время они реально объединены по принципу абсурдной дополнительности, а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть. Если массовая культура современной Японии представляет собой кентаврическое образование, в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе.

Свидетельство тому — содержание программ нашего телевидения. Формально государство взяло под контроль важнейшие эфирные каналы. Но почему тогда в сетке вещания «Первого канала», ВГТРК, «ТВ Центр», НТВ и ТНТ продолжают преобладать не только американские боевики, но и низкопробные сериалы, многочисленные ток- и реалити-шоу: «Камеди Клаб», «Дома-2», «Уральские» и прочие «пельмени», где подвизаются кривляки-кавээнщики? Почему с телеэкранов льются высосанные из пальца сенсации и скандалы, пропагандируются мистические истории, битвы экстрасенсов, X-версии и другая псевдонаучная чушь?

¹ О них см.: Гранин Ю. Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб., 2014. С. 183–191.

Рационально объяснить это можно как минимум двумя причинами: либо госструктуры, имеющие контрольные пакеты акций в указанных телекомпаниях, не контролируют произведенный ими телеконтакт, либо он их вполне устраивает, поскольку соответствует их культурному багажу. Последнее звучало бы абсурдно, если бы не опыт последних российских модернизаций (реформ в сфере образования и науки), которые успешно буксуют на месте².

И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяются СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Неслучайно протесты ученых против поспешной реформы РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных элитах даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки, в том числе благодаря телевидению.

В условиях почти полного отсутствия качественной аналитики в печати и на телевидении ставка сделана на политические ток-шоу, где толкуются одни и те же лица, имитируется столкновение мнений с заранее заданным результатом за счет искусно подобранного состава участников. Это явление, разумеется, не только российское. Но следует понимать, что виртуализация (экранизация) политического процесса и пропаганда идеологии «просвещенного консерватизма» и патриотизма может быть эффективной лишь в условиях реального плюрализма мнений просвещенных и образованных людей. А в обществе, где научное мировоззрение целенаправленно заменяется мифами и лженаукой, а высокая культура становится уделом немногих, пропагандистский порыв власти неизбежно упрощается до самых примитивных и крайне опасных форм. но власти предрасположенные, похоже, этого не замечают.

В итоге символическая система общества — общества с размытой национальной идентичностью — оказывается уязвимой в настоящих и грядущих культурных сражениях стремительно глобализирующегося мира. Главное, что вызывает тревогу, — это то, что российская культура-цивилизация вступает в эти сражения, по сути, символически обезоруженной, с пустыми руками и в своей деконструированной беззащитной телесности. Шансы такого символически разоблаченного общества перед вызовами чужих и агрессивных символических систем выглядят достаточно проблематичными.

Что делать? Как и на Западе, перспективы России в качестве особой цивилизации связаны с «консервативным поворотом» В. В. Путина, продуманной государственной политикой, сочетающей традиции и современность для сохранения национальной идентичности.

² Подробнее см.: Гранин Ю. Д. Желтые пятна на мантии российского телевидения // Журналист. Социальные коммуникации. 2014. № 2. С. 60–74.

Литература

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. — М. : Весь Мир, 2004.
2. *Бек У.* Трансформация политики и государства в эпоху глобализации / У. Бек // Свободная мысль. — 2004. — № 7.
3. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления / Ж. Бодрийяр. — М. : Республика : Культурная революция, 2006.
4. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Д. Хелд [и др.]. — М. : Праксис, 2004.
5. *Гранин Ю. Д.* Глобализация и национальные формы глобальных стратегий / Ю. Д. Гранин // Вестник РАН. — 2014. — Т. 84, № 3. — С. 47–54.
6. *Гранин Ю. Д.* Желтые пятна на мантии российского телевидения / Ю. Д. Гранин // Журналист. Социальные коммуникации. — 2014. — № 2. — С. 60–74.
7. *Гранин Ю. Д.* Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» / Ю. Д. Гранин // Вестник РАН. — 2012. — Т. 82, № 9. — С. 807–813.
8. *Журавский А. В.* Субъекты миропорядка XXI века / А. В. Журавский, О. В. Садов, А. В. Фетисов // Глобализация и столкновение идентичностей. — М. : Центр этнорелигиозных и политических исследований РАГС, 2003. — С. 60–83.
9. *Хабермас Ю.* Политические работы / Ю. Хабермас. — М. : Праксис, 2005.
10. *Хабермас Ю.* Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. — СПб. : Наука, 2001.
11. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. — М. : АСТ : Транзиткнига, 2004.